

Виктор Смирнов

*В системе
не найдётся*

Смирнов Виктор

В системе не значится

«Автор»

2026

Виктор С.

В системе не значится / С. Виктор — «Автор», 2026

Антиутопическая притча о мире, где человек существует ровно до тех пор, пока значится в Единой базе. Утро Антона начинается безупречно: тридцать лет, головокружительная карьера, квартира в центре, а вечером — предложение руки любимой. Но за десять минут всё рушится. Дверь родного дома не узнаёт его. Машина требует отойти. Карта заблокирована, телефон мёртв, коллега отводит глаза, невеста гасит свет в окне. Система вынесла вердикт: «в списке не значится» — и весь отлаженный мир мгновенно перестаёт его замечать. Спасаясь от погони, Антон уходит туда, где нет ни камер, ни сканеров, ни рейтингов, — и у ночного костра встречает бродягу по имени Никто, который однажды сам вышел из системы и, кажется, знает о ней что-то, чего не знает она сама. Гоголевский абсурд, Булгаковская ирония и Пелевинская тревога: а точно ли всё это происходит наяву? Едкая, смешная и неожиданно светлая история о том, что остаётся от человека, когда с него снимают все ярлыки.

© Виктор С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Смирнов Виктор

В системе не значится

Глава

В СИСТЕМЕ НЕ ЗНАЧИТСЯ **повесть**

Каждый гражданин рождается дважды: один раз — для родителей, второй раз — для системы. Второе рождение важнее первого, ибо первое можно проспять, а второе — никогда.

Из информационной брошюры «Твой рейтинг — твоя свобода». Единая база данных граждан, 7-е издание, стереотипное

Спрашивай не «кто я», а «кто спрашивает». Первый вопрос тебе задаст любой турникет. Второй не задаст никто — кроме Никого.

Услышано у костра, не запротоколировано

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Дверь захлопнулась с тем особым, вкрадчиво-хвастливым щелчком магнитного замка, каким умеют закрываться только двери в очень дорогих домах, — щелчком, в котором слышалось столько же механики, сколько и сословного самодовольства. Доводчик доработал свою минутную роль плавно, без единого рывка, будто дирижировал невидимым оркестром одного-единственного, зато безупречно вежливого звука. Антон Сергеевич этого не заметил. Он вообще последние две недели почти ничего не замечал вокруг себя, кроме собственного отражения в разнообразных полированных поверхностях города, — отражения, которое день ото дня нравилось ему всё больше.

Ему было тридцать лет, и жизнь его, если верить общему мнению знакомых, удалась настолько эталонно, что впору было вписывать её в методическое пособие для младших менеджеров: за неполных семь лет — от рядового специалиста до без пяти минут вице-президентского зятя; квартира в высотке, из окон которой открывался вид ровно на ту часть города, которую показывают в рекламе ипотеки; загородный дом с фигурными кустами, которые кто-то другой каждую субботу подстригал в форме идеальных геометрических тел; часы на запястье, дорожке которых были, кажется, только часы управляющих банка, где Антон обслуживался. Список можно было продолжать, но, право же, не стоит утомлять читателя перечислением благ, которые сам их обладатель научился уже не замечать, — так близорукий человек, надев однажды идеальные линзы, вскоре перестаёт восхищаться тем, что видит очертания деревьев, и просто идёт себе дальше, глядя на мир как на нечто само собой разумеющееся.

Утро выдалось на редкость слаженным — солнечным, ясным, будто заказанным заранее у какой-то небесной службы доставки, специализирующейся на идеальных обстоятельствах для больших жизненных решений. Птицы старательно выводили трель, и трель эта, надо заметить, звучала настолько ровно и настолько одинаково на протяжении вот уже нескольких минут, что человек более наблюдательный, чем Антон Сергеевич в то утро, возможно, и задумался бы: полно, да птицы ли это вообще, или, может, какой-то усердный, но не слишком изобретательный уличный динамик, отвечающий за атмосферное озвучивание квартала? Но Антону было не до орнитологических изысканий. Голова его была занята вещами куда более существенными: сегодня вечером, в самом дорогом ресторане столицы, за столиком у окна, заказанным

ещё три недели назад, он собирался опуститься на одно колено перед Алёной — Алёной Дмитриевной, единственной дочерью вице-президента компании, в которой Антон дослужился уже почти до самого верха управленческой пирамиды, — и произнести слова, которые, как ему представлялось, окончательно и бесповоротно скрепят его биографию печатью полного, законченного успеха.

Кольцо — четыре карата, огранка, о которой ювелир говорил с придыханием, как говорят о редких винах, — лежало, помнится, во внутреннем кармане пиджака. Антон Сергеевич сам, своими руками, положил его туда ещё накануне вечером, вернувшись слегка навеселе с посиделок, которые сам же полушутя и назвал «последним днём свободы»: коллеги, прознав про завтрашнее предложение, устроили ему нечто среднее между мальчишником и поминками по холостяцкой жизни, и провожали эту самую свободу с величественным разгулом. Пришли не только свои, из офиса, — набежала и пара институтских товарищей, которых Антон не видел месяцами, да сосед по старой, ещё съёмной квартире, обнаруженный кем-то в общих друзьях и приведённый почти насильно, «раз уж повод». Домой он вернулся поздно, встал утром с некоторым опозданием и туманом в голове, но настроения это ничуть не испортило — напротив, лёгкая мутноватость утра только подчёркивала контрастом ясность и полноту предстоящего вечера.

Быстрым шагом, почти вприпрыжку, он направился в сторону парковки, где под навесом, отражая солнце начищенным боком, дожидался его автомобиль класса X, купленный три месяца назад с тем чувством, с каким приобретают не средство передвижения, а очередную, вполне заслуженную медаль. И вот тут, на полпути между подъездом и парковкой, Антон Сергеевич замер, будто налетел на невидимое препятствие, и стал охлопывать себя по карманам с тем особым лихорадочным проворством, с каким люди похлопывают себя обычно в аэропорту, вдруг усомнившись в наличии паспорта.

Кольца не было.

Он ясно, отчётливо помнил, как клал его во внутренний карман. Не могло же оно, в самом деле, провалиться сквозь подкладку, прощупал весь пиджак нет — подкладка, чай, не решето. Значит, оставил дома. Наверное, ещё утром, репетируя перед зеркалом торжественную речь — а он репетировал её дважды, для верности, — он дважды же доставал кольцо из кармана, чтобы показать самому себе, как будет выглядеть жест, и один раз, по рассеянности, забыл положить его обратно.

— Чёрт! — сказал Антон Сергеевич вслух, ни к кому, собственно, не обращаясь, и в этом коротком, ничем не примечательном слове было, как выяснится позже, куда больше пророческого смысла, чем можно было заподозрить погожим июльским утром человеку, чья жизнь ещё двадцать минут назад казалась ему совершенно, без единой помарки, удавшейся.

Он развернулся и побежал обратно к подъезду — благо потеря была невелика, вернуться и забрать кольцо не составляло труда, а десять лишних минут не могли всерьёз пошатнуть репутацию человека, который вот-вот станет зятем владельца компании.

Глава 2

Дверная ручка не поддавалась. Антон Сергеевич списал это сначала на собственную рассеянность — бывает, дёрнешь не в ту сторону, — и потянул снова, на этот раз основательнее. Массивная, отделанная под старое дерево дверь даже не шелохнулась. Обычно сканер, вмонтированный в косяк не приметной серой полоской, узнавал жильцов мгновенно, ещё на подходе, — распахивал замок с той доброжелательной услужливостью, с какой метрдотель распахивает двери перед постоянным и щедрым посетителем. Сегодня косяк молчал.

Антон Сергеевич отступил на шаг, встал прямо напротив объектива, как встают на паспортный контроль, — расправил плечи, для верности пригладил взлохмаченные после бега волосы, — и снова шагнул вперёд. Дверь не отозвалась. Он дёрнул сильнее. Затем ещё сильнее. Тяжёлая створка отвечала на эти попытки с полнейшим, оскорбительным безразличием

хорошо отлаженного механизма, у которого нет и не может быть личного мнения — а если бы и было, оно наверняка сводилось бы к вежливому «нет».

Антон нажал кнопку вызова.

— Добрый день, чем могу Вам помочь, — отозвался голос, до того ровный, до того безукоризненно вежливый, что хотелось немедленно наглубить ему просто из принципа, чтобы хоть как-то нарушить эту невыносимую акустическую благовоспитанность.

— Здравствуйте, — сказал Антон, стараясь звучать спокойно. — Я из тридцать четвёртой квартиры, очень спешу, а дверь почему-то не открывается.

— Минуточку, — отозвался динамик, и по Антону снизу вверх медленно, деловито прополз тонкий красный луч сканера — так осматривают не человека, а, пожалуй, посылку сомнительного происхождения.

— В списке жильцов Вы не значитесь, — сообщил голос всё тем же ровным тоном, каким сообщают о временной задержке рейса. — Могу я ещё чем-то помочь?

Наступила пауза — та особая, звенящая пауза, что возникает в разговоре, когда один из собеседников только что услышал нечто настолько абсурдное, что мозг, вместо того чтобы немедленно возмутиться, сперва долю секунды тратит на банальную проверку слуха.

— Вы явно издеваетесь, — сказал наконец Антон, и голос его дрогнул от подступающего негодования. — Я живу в тридцать четвёртой квартире два года. Два года, вы понимаете?

— Прошу прощения, но Ваша личность в системе жильцов дома не идентифицируется.

— Что значит не идентифицируется?! — Антон в сердцах стукнул кулаком по кнопке вызова, будто рассчитывая таким образом перезагрузить не только домофон, но и весь окружающий его к этому моменту абсурд.

— Прошу вас успокоиться, — произнёс голос с той же вежливой невозмутимостью, — в противном случае мне придётся принять меры.

— Да принимайте какие хотите меры! — закипал Антон. — Живу я здесь, живу, буквально минуту назад вышел из этой самой двери! За кольцом вернулся!

И в истинном возмущении он со злости пнул дверь ногой — жест бесполезный, но психотерапевтически необходимый, — на что в ответ из решётки динамика с шипением вырвалось облако слезоточивого газа, а следом взвыла сирена, пронзительная и неотвязная, как совесть у человека, решившего наконец начать честную жизнь.

Из-за угла дома, привлечённые сиреной, показались двое охранников — и здесь, читатель, самое время присмотреться к ним повнимательнее, потому что весь наш обозримый мир, если вдуматься, во все эпохи держался именно на подобных людях: не самого высокого чина, но самой непоколебимой в этот чин веры.

Старшего звали Тюкин, Геннадий Палыч, — фамилию свою он произносил с особым нажимом на первый слог, будто это давало какие-то дополнительные полномочия, — и служил он в этом доме без малого одиннадцать лет, застав ещё те благословенные времена, когда консьержка по имени тётя Зина узнавала жильцов не по лучу сканера, а по походке, доносившийся ещё с лестничной клетки. С тех пор многое переменилось: тётю Зину заменил алгоритм, а Геннадий Палыч, лишённый прежней монополии на узнавание ближнего, компенсировал эту утрату удвоенной убеждённости в том, что уж он-то, в отличие от электронного консьержа, знает, что такое настоящий порядок.

Младший, по фамилии Гвоздёв, был помоложе, служил всего третий год, но перенимал у старшего товарища профессиональные повадки с прилежанием отличника: ту же выправку, тот же прищур, ту же манеру держать руку у кобуры так, будто в кобуре покоился, самое малое, именной пистолет, а не электрошокер последней модели, выданный под роспись начальником охраны.

— Что это Вы тут безобразничаете? — прогнусавил Тюкин, глядя на скорчившегося от рези в глазах Антона тем взглядом, каким смотрят на бродячую собаку, забредшую в парадное приличного дома. — Не дело так себя вести. Район, между прочим, престижный.

Фраза «район престижный» была произнесена с той интонацией законного совладения, с какой иной раз говорят о фамильном поместье, — хотя сам Геннадий Палыч квартировал, по достоверным сведениям, в получасе езды на электричке от означенного престижного района, в доме куда более скромной архитектурной судьбы. Но в этом-то и состоит одна маленькая, но безотказная человеческая механика: стоит облечь человека форменной фуражкой и ручным сканером, наделить его правом решать, кто достоин пройти, а кто нет, — и он неминуемо, безо всякого злого умысла, начинает ощущать себя совладельцем той самой границы, которую охраняет, полновластным, хоть и невеликим божеством одного отдельно взятого парадного.

— Да живу я здесь! — прохрипел Антон, утирая слёзы рукавом дорогого, а теперь ещё и слегка подпорченного пиджака. — В тридцать четвёртой квартире, два года уже!

— Это мы сейчас проверим, — деловито произнёс Гвоздév, направляя на Антона ручной идентификатор — увесистый прибор, отдалённо напоминающий одновременно и градусник, и электрошокер, и оттого внушающий двойное почтение. Аппарат тихо пискнул. — В системе жильцов не зарегистрирован, — констатировал охранник с той окончательной интонацией, с какой патологоанатом ставит последнюю точку в заключении. — Шёл бы ты, парень, по добру по здорову.

В этот самый момент дверь дома — та самая, только что столь категорически отказавшая Антону, — послушно распахнулась перед вышедшим изнутри солидным мужчиной в очках, который остановился на пороге с тем именно выражением любопытства без малейшей примеси сочувствия, с каким благополучные люди обыкновенно созерцают чужие неприятности из безопасного далека собственного благополучия.

— Послушайте, — взмолился Антон, хватаясь за эту внезапную возможность, как хватаются за соломинку, — вы ведь мой сосед! Скажите же им, что я живу здесь, на одном с вами этаже, в тридцать четвёртой!

Мужчина в очках задумчиво пожевал губами.

— Весьма может быть, — произнёс он с той обстоятельной уклончивостью, с какой поправляют не столько очки на переносице, сколько собственную готовность к соучастию.

— Вот видите! — обрадованно вскричал Антон и решительно шагнул к двери, всем своим существом полагая инцидент исчерпанным.

— Пойдите, пойдите, — преградил ему путь Гвоздév, ухватив за локоть с силой, неожиданной при его комплекции. — Это ещё не подтверждение. Вы этого человека знаете? — обратился он уже к соседу, глядя на него с той прокурорской пристальностью, что мгновенно испаряет у собеседника всякую охоту к обстоятельности.

И вот здесь, читатель, если бы у нас было время и настроение для отступления философского толка, стоило бы заметить, что во взгляде очкастого соседа за одну краткую секунду промелькнула, кажется, вся многовековая история человеческого малодушия — от небезызвестного умывания рук до последнего клерка, готового не глядя завизировать любую бумагу, лишь бы поскорее вернуться к прерванному чаепитию.

— Да нет, — равнодушно, почти зевая, ответил мужчина, — я его, пожалуй, не знаю, — и скрылся за углом дома с проворством, удивительным для его комплекции и утреннего часа.

Антон, лишённый на мгновение дара речи, только и смог, что вскинуть руку вслед удаляющемуся предателю и открыть от изумления рот — жест, надо признать, столь же бесполезный, сколь и давешний пинок по двери.

— Ну вот всё и выяснилось, — удовлетворённо подытожил Тюкин. — Шли бы вы отсюда, молодой человек, покуда мы полицию не вызвали.

— Ладно, чёрт с вами, — пробурчал Антон, отступая и отряхивая пиджак с тем достоинством, какое ещё можно было наскрести после слезоточивого газа и публичного предательства. — Я ещё разберусь, что здесь за ерунда. Элитный дом, называется. За что я только деньги плачу.

Он решил не терять более времени: за кольцом можно заехать и после работы, а по дороге в офис — непременно позвонить в управляющую компанию и высказать всё, что он думает об их электронной системе безопасности, о Тюкине, о Гвоздёве а, разумеется, об этом малодушном типе в очках, которому Антон Сергеевич твёрдо пообещал себе при следующей встрече кое-что сказать — а может, и не только сказать.

Глава 3

На парковке между тем царило безмятежное спокойствие, ничем не омрачённое утренними неурядицами Антона Сергеевича. Машина стояла на своём привычном месте, лаково блестя на солнце, — предмет гордости, воплощение семи лет карьерных усилий, выраженное в четырёхстах с лишним лошадиных силах. Антон прищурился от яркого блика на капоте, приложил большой палец к сенсору на дверной ручке — жест, доведённый за три месяца владения до автоматизма, — и потянул на себя.

Машина отозвалась не тем, чего он ожидал. Габаритные огни требовательно замигали, будто саму её вдруг охватило нервное беспокойство.

— Отойдите от машины, — предупредил механический голос, лишённый какой бы то ни было интонации, но оттого не менее категоричный, — или сработает сигнализация.

— Слушай, — Антон, не веря собственным ушам, наклонился к дверной ручке, как наклоняются к капризному ребёнку, — я твой хозяин. Я тебя купил. Три месяца назад. В кредит, между прочим, взял, три года выплачивать.

— Кредитные обязательства не входят в перечень идентификационных признаков, — вежливо, но непреклонно уведомил голос.

— А что входит?

— Отпечаток пальца, зарегистрированный в системе на момент покупки.

— Так это же мой палец! — Антон в отчаянии продемонстрировал большой палец несуществующему собеседнику.

— Возможно, — не стал спорить голос с той обескураживающей вежливостью, что хуже всякого хамства, — но система не подтверждает соответствия. Отойдите от машины, или сработает сигнализация.

— Да это моя машина!

— Несоответствие с владельцем, рекомендуется отойти, — невозмутимо пояснил голос, и в этой фразе Антону почудилась вдруг какая-то дьявольская, необъяснимая логика, вывернутая наизнанку, — логика, при которой сама предъявленная им претензия на собственность становилась главной уликой против него самого: чем настойчивее он доказывал, что машина его, тем подозрительнее выглядела попытка ею завладеть.

Он всё же повторил попытку — не столько из веры в успех, сколько из чистого, оскорблённого упрямства, — и сигнализация отозвалась воем, пронзительным и настойчивым, будто оповещающая не о мелкой неполадке, а как минимум о дерзком ограблении среди бела дня.

Прохожие — их было немного в этот утренний час, но вполне достаточно для формирования общественного мнения — начали останавливаться, оборачиваться, перешёптываться.

— Чужую машину вскрывает, — со знанием дела сообщила соседке пожилая дама с болонкой, ничуть не понижая голоса, поскольку искренне полагала, что обсуждаемый молодой человек либо глух, либо ему, преступнику, оно и по чину — слушать о себе всякие нелестные слова.

— Да как же чужую, — попытался возразить Антон, — я же...

— Ну да, ну да, — покивала дама с той интонацией, с какой соглашаются с сумасшедшим, лишь бы он поскорее отстал, — конечно, ваша. То-то она на вас так сигналист, аж заходится вся, бедная.

До Антона отчётливо донеслось слово «полиция», произнесённое кем-то вполголоса, но с той многозначительностью, с какой в приличном обществе произносят диагнозы.

— Час от часу не легче, — пробормотал Антон и, испытывая крайне непривычное для себя чувство — нечто среднее между стыдом и паникой, — поспешил отойти подальше от собственного автомобиля, будто тот вдруг превратился в бомбу замедленного действия. Сигнализация, лишившись потенциального злоумышленника в непосредственной близости, вскоре смилостивилась и умолкла — с той же необъяснимой, чисто механической невозмутимостью, с какой пятью минутами раньше её включила.

— Так, — произнёс он вслух, обращаясь то ли к себе самому, то ли к равнодушному утреннему воздуху, — нужно успокоиться и собраться с мыслями. Творится какая-то совершенная ерундистика. Но до работы всё-таки нужно добраться.

Глава 4

Он решил вызвать такси — благо технологии для того и существуют, чтобы избавлять преуспевающего человека от подобных мелких неурядиц, — и достал из кармана телефон. Экран послушно засветился, на нём высветилась надпись Face ID, тонкая рамка обвела контур лица — и замерла. Не мигнула зелёным, как обычно, не впустила его в привычный, упорядоченный мир приложений и контактов, а так и осталась висеть, нерешительная, будто телефон, подобно давешней двери, задумался, стоит ли впускать своего владельца.

Антон потряс аппарат, точно надеясь этим механическим жестом что-то исправить, — жест столь же научно обоснованный, сколь и удар кулаком по неисправному телевизору, но зато безотказно успокаивающий нервы. На экране высветилась заставка: введите код-пароль. Пять кружочков, ожидающих заполнения, и бодрая, совершенно неуместная в данных обстоятельствах иконка — подмигивающий смайлик, будто разработчики интерфейса искренне полагали, что человеку, застрявшему перед собственной запертой дверью, заблокированной машиной и, чего доброго, скорой встречей с полицией, только и не хватает для полного счастья, что дружелюбной анимации.

— Ну хоть так, — проворчал Антон и застучал указательным пальцем по цифрам, привычным движением, тем самым, каким набирал этот пароль, неизменяемый последние два года.

После нажатия последней цифры экран мелко задрожал — точь-в-точь как трясут головой в знак несогласия — и вернулся к первоначальному состоянию. Пустые кружочки. Приглашение начать заново, на этот раз уже без смайлика — будто и телефон почувствовал, что не время.

«Может, не ту цифру нажал», — подумал Антон и невольно обратил внимание на собственные руки: в пальцах, обыкновенно уверенных и твёрдых, — руках человека, который за последние семь лет ни разу всерьёз не усомнился в правильности собственных решений, — обнаружилась мелкая, совершенно ему не свойственная дрожь.

«Надо успокоиться», — сказал он себе строго, теми самыми интонациями, какими выговаривал нерадивым подчинённым на планёрках. — Сначала дверь, потом машина, теперь телефон. Что за наваждение».

Он выдохнул и повторил попытку, введя те же самые пять цифр — ноль, восемь, пять, два и тройку, изображаемую буквой «г», — комбинацию настолько простую и настолько прочно введённую в память пальцев, что перепутать её было решительно невозможно.

«У Вас осталась одна попытка. Введите пароль, или телефон будет заблокирован» — гласила надпись, написанная, Антон готов был поклясться, тем же приветливым, скруглённым шрифтом, каким телефон обычно поздравлял его с днём рождения; создателям интерфейса,

видно, крепко-накрепко запретили менять шрифт в зависимости от трагизма ситуации, из экономии, надо полагать, на дизайнерах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.